

**Библиографический список**

1. *Гончаров И. А.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М., 1952.
2. *Мельник В. И.* О религиозности И. А. Гончарова // Русская литература. 1995. № 1.
3. *Розов А. Н.* Типы священников в русской литературе второй половины XIX – начала XX веков // Труды IV Всероссийских чтений, посвященных братьям Киреевским: «Оптина пустынь и русская литература». Калуга, 2001.

**А. В. Перетягина***Костромской государственный  
университет им. Н. А. Некрасова***ПУШКИНСКИЕ ТРАДИЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА  
И ПРИРОДЫ В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»**

В творчестве Тургенева значительная и почётная роль принадлежит природе. По мысли Тургенева, человек есть частица вселенского бытия и «человека не может не занимать природа, он связан с ней тысячью неразрывных нитей: он сын её» (4 : 414). Такое понимание Тургеневым целостности мира, взаимосвязи явлений пронизано пушкинским чувством красоты и гармонии, и потому всё, что выпадает из природного единства, или убого, или грозит неким несовершенством в жизни и звучит тревожным предупреждением человечеству.

Обычно Тургенев начинает своё повествование с описания природы. Роман «Отцы и дети» не исключение. Действие открывается в нём «20-го мая 1859 года». Читатель должен задержать свой взгляд на этой дате и воссоздать перед собой удивительную картину майского дня: занимается предлетье, благодатное время сочных трав, цветущих садов и долгожданной теплыни. Напоённая влагой, обласканная теплом и светом, земля щедра и обильна. Майский лес чуток и бодр. Некогда смыкать глаза его обитателям. Май – торжество весны зелёной: «Всё кругом золотисто зеленело, всё широко и мягко волновалось и лоснилось под тихим дыханием тёплого ветерка, всё – деревья, кусты и травы; повсюду нескончаемыми звонкими струйками заливались жаворонки; чибицы то кричали, вясь над низменными лугами, то молча перебежали по кочкам; красиво чернея в нежной зелени еще низких яровых хлебов, гуляли грачи; они пропадали во ржи, уже слегка побелевшей, лишь изредка выказывались их головы в дымчатых её волнах»(6 : 205).

Чувствуется убеждённость Тургенева в том, что природа побеждает человека, бессильного подчинить её своей воле. Именно поэтому так безрадостно и грустно описание того, к чему прикоснулась рука человека: «речки с обрывыми берегами», «крошечные пруды с худыми плотинами»; и так прекрасны изображения русской природы, взятой Тургеневым «в себе самой», в своей простой, спокойной и безыскусственной прелести. Пейзаж тургеневского романа соединяет в себе сжатость и выразительность, точность и поэтичность красок. Этот пейзаж отличается подробной разработкой своих частей – и в то же время син-

тетической целостностью; он внутренне целен и самостоятелен – и в то же время органически включён в действие.

С первых строк заметны пушкинские мотивы, которые гармонично вытекают из окружающей героев романа «Отцы и дети» действительности, по стилистико-семантическим особенностям согласуясь с контекстом тургеневского описания: «...Весна брала своё. Всё кругом золотисто зеленело, всё широко и мягко волновалось и лоснилось под тихим дыханием тёплого ветерка, всё – деревья, кусты и травы...»(6 : 205). Всё, в том числе и люди, ощущало это весеннее пробуждение: повеселел Аркадий, просветлел взгляд Николая Петровича. Строки Пушкина продолжают авторский текст, напоминающий «стихотворение в прозе», словно это продолжение той поэзии, что разлита вокруг, продолжение весенней жизни:

Как грустно мне твоё явление,  
Весна, весна, пора любви!

Тургенев «доверяет» произнести строки из «Евгения Онегина» о весне и любви Николаю Петровичу не только потому, что он «старый романтик». Пушкинский текст, следующий за приведённой цитатой, обобщает психологическую характеристику героя, раскрывает весь комплекс ощущений, испытываемых им при взгляде на пробуждение весенней природы, и в то же время оттеняет базаровскую глухоту к ней.

Весна должна быть в молодой душе Базарова. Но: «Аркадий! – раздался из тарантаса голос Базарова, – пришли мне спичку, нечем трубку раскурить.

Николай Петрович умолк, а Аркадий, который начал было слушать его не без некоторого изумления, но и не без сочувствия, поспешил достать из кармана серебряную коробочку со спичками и послал её Базарову с Петром»(6 : 206).

Вразрез с окружающим прозвучали слова героя, не признающего той гармонии, что таит в себе жизнь и, как её отражение, пушкинская поэзия. Голос Базарова «раздался» на фоне всеобщего умиротворения, будто гром среди ясного весеннего неба. Это начало противостояния, в котором с одной стороны – мир и ускользающее время, с другой – человек, поставивший себя в центр Вселенной, сильный, гордый, разумный, пытающийся навязать жизни собственные законы.

Невольно вспоминается начало романа Пушкина «Евгений Онегин» и поведение главного героя, живущего противоестественно, в разладе с ритмами природы, «утро в полночь обротя»: «Что ж мой Онегин? Полусонный / В постелю с бала едет он: / А Петербург неугомонный / Уж барабаном пробужден. / Встает купец, идет разносчик, / На биржу тянется извозчик, / С кувшином охтенка спешит, / Под ней снег утренний хрустит» (3 : 25). Утро жизни простых людей совпадает с утром природы, с естественным течением мировой жизни. Онегин же у Пушкина из этого естественного течения выпадает. Этот мотив продолжается и далее, при описании деревенской жизни героя: «Два дня ему казались новы / Уединённые поля, / Прохлада сумрачной дубровы, / Журчанье тихого ручья; / На третий роща, холм и поле / Его не занимали боле; / Потом уж наводили сон...» (3 : 32). И Пушкин оттеняет эту онегинскую глухоту своим, авторским отношением к ней: «Цветы, любовь, деревня, праздность, / Поля! я предан вам душой. / Всегда я рад заметить разность / Между Онегиным и мной...» (3 : 33).

Пейзажи Тургенева никогда не ограничены «большими линиями картины» (5 : 418), он умеет увидеть мельчайшие оттенки и запечатлевает их, подчиняя общей концепции. Это со всей силой сказывается в ландшафте одиннадцатой главы «Отцов и детей»: «Уже вечерело, солнце скрылось за небольшую осиную рощу, лежавшую в полверсте от сада: тень от неё без конца тянулась через неподвижные поля. Мужичок ехал рысцой на белой лошадке по тёмной узкой дорожке вдоль самой рощи: он весь был ясно виден, весь, до заплаты на плече, даром что ехал в тени; приятно-отчётливо мелькали ноги лошадки. Солнечные лучи, с своей стороны, забирались в рощу и, пробиваясь сквозь чашу, обвивали стволы осин таким тёплым светом, что они становились похожими на стволы сосен, а листва их почти синела и над нею поднималось бледно-голубое небо, чуть обрумяненное зарёй. Ласточки летали высоко; ветер совсем замер; запоздалые пчёлы лениво и сонливо жужжали в цветах сирени; мошки толклись столбом над одинокою, далеко протянутою веткою» (6 : 250).

Обратим внимание на перспективу пейзажа: вместе с Николаем Петровичем Кирсановым мы видим рощу, находящуюся на втором плане, и сад на первом. «Мужичок» и его «лошадка» оживляют картину: оба оттеняют собой отдалённость рощи и ясность воздуха, в котором с приятной отчётливостью мелькают ноги лошади. Самое же главное в пейзаже – многообразие и полнота деталей его. Мы видим и наступающий вечер, и заходящее солнце, и длинные тени, и игру солнечных лучей в роще. Ласточки, пчёлы, мошки тоже включены в пейзаж, который «полон мягких и тёплых красок – почти синеющая листва осин, “бледно-голубое небо, чуть обрумяненное зарёй”» (7 : 185).

В пейзаже много подробностей, деталей, которые органично сплетаются друг с другом. Он проникнут общим колоритом поэтичности природы, и мысленное восклицание Николая Петровича «Как хорошо, – Боже мой!» не кажется нам неожиданным или неестественным: оно подготовлено только что созданной картиной. «Тургенев-пейзажист видит краски деревьев и неба, он слышит разнообразные звуки природы, он чувствует её запахи» (5 : 186).

Пейзаж этот полемически направлен против Базарова-нигилиста. Тургенев явно не принимает прозаическое, утилитарное представление Базарова о природе как мастерской, в которой человек только работник. «Отрицая “романтическое” отношение к природе как к храму, Базаров попадает в рабство к низшим стихийным силам природной мастерской. Но кроме правды физиологических законов есть правда человеческой, одухотворённой природности. И человек должен считаться с тем, что природа на высших её уровнях “храм”, а не “мастерская”» (2 : 102).

Тургенев, вслед за Пушкиным, изображает природу как активное действующее лицо, как стихию, от которой человек не может самонадеянно отвернуться. И когда в Базарове начинает пробуждаться любовное чувство к Одинцовой, природа призывает героя отдаться этому чувству, не размышляя: «Базаров встал и толкнул окно. Оно разом со стуком распахнулось... Он не ожидал, что оно так легко отворялось; притом руки его дрожали. Тёмная мягкая ночь глянула в комнату с своим почти чёрным небом, слабо шумевшими деревьями и свежим запахом вольного, чистого воздуха» (6 : 291).

Так вступает в свои права тургеневская ночь, гармоничная и вольная стихия жизни. Но самоуверенный Базаров не чувствует её настойчивых призывов. И тогда природа за окном, равнодушная к происходящему, по-своему «возмущается» тем насилием, которое герой творит над нею: «...сквозь изредка колыхавшуюся стору вливалась *раздражительная* свежесть ночи, слышалось её таинственное шептание» (6 : 292. – Курсив мой. – А. П.). Теперь в дыхании тургеневской ночи чувствуется затаённая угроза.

Исследователи давно заметили, что все романы Тургенева включены в жесткие ритмы годового природного цикла. Действие в них завязывается весной, достигает кульминации в знойные дни лета, а завершается под «свист осеннего ветра» или в «безоблачной тишине январских морозов». Годовое природное кольцо присутствует и в романе «Отцы и дети». В его финале есть пейзаж, в котором превосходно воссоздан колорит русской зимы: «Стояла белая зима с жестокою тишиною безоблачных морозов, плотным скрипучим снегом, розовым инеем на деревьях, бледно-изумрудным небом, шапками дыма над трубами, клубами пара из мгновенно раскрытых дверей, свежими, словно укушенными лицами людей и хлопотливым бегом продрогших лошадок. Январский день уже приближался к концу, вечерний холод ещё сильнее стискивал недвижимый воздух, и быстро гасла кровавая заря» (6 : 397).

И здесь Тургенев следует за Пушкиным. Картина жизни русского общества 1820-х годов раскрывается в романе Пушкина «Евгений Онегин» не только в своей хронологической завершенности и определенности, но и в глубинных связях с вечными основами национального бытия – с природой России, с ее святынями, с ее нравственными ценностями. В «Онегине» дан масштаб и мера для последующего развития русского романа, и Тургенев остаётся в «Отцах и детях» верным учеником Пушкина.

Природа живёт в его романе своей особенной жизнью, но вместе с тем она соперничает, сочувствует человеку. Природа – символ вечной жизни. «Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» (6 : 402). В своём реквиеме, посвящённом Евгению Базарову, Тургенев нашёл место для одного-единственного пушкинского эпитета «равнодушной» природы, заключённого им в кавычки. Природа своим бесстрашием уводит человека от мирской суеты, от злобы дня, напоминая ему о вечности, о нетленных ценностях жизни, перед лицом которых осознаётся относительность центральной коллизии романа – трагического противостояния «отцов» и «детей».

Природа, по Тургеневу, – это воплощение гармонии и равновесия Вселенной. И поскольку человека он изображает включённым в природу как частицу её гармонического целого, природа в его произведениях – не только нечто важное, составляющее самосознание общественного человека, но и стихия, во многом определяющая это самосознание. Природа для Тургенева «то вселенское целое, в котором каждая точка, каждая единица стремится существовать исключительно для самой себя, но, связанная с другими, она выходит за пределы себя, подчиняясь закону

Любви. Из всеобщего разъединения и раздробления рождается всемирная гармония, в основе которой лежит Любовь каждого ко всем и всех к каждому» (1 : 11).

Роман завершается не разладом, а религиозно-философским гармоническим аккордом. Даётся картина сельского кладбища и могилы Базарова. «К ней, из недалёкой деревушки, часто приходят два уже дряхлые старичка – муж с женою. Поддерживая друг друга, идут они отяжелевшей походкой; приблизятся к ограде, припадут и станут на колени, и долго и горько плачут, и долго и внимательно смотрят на немой камень, под которым лежит их сын; поменяются коротким словом, пыль смахнут с камня да ветку ёлки поправят, и снова молятся, и не могут покинуть это место, откуда им как будто ближе до их сына, до воспоминаний о нём... Неужели их молитвы, их слёзы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О нет!..» (6 : 402).

Этот финал отличается диалогическим сочетанием двух нравственно-философских интенций. Всеобщее открывается здесь Тургеневу и как трагическое одиночество человека в мире бессознательно движущейся материи, и как встреча человека с той абсолютной духовностью, которую он толковал с христианских позиций. «“Отцы” и “дети” имеют отношение к одному и тому же источнику – своему божественному происхождению – и те и другие созданы по образу и подобию Божьему. Через красоту чувств они приобщаются к “вечному” и смиряются. Согласие поколений определяется их общей метафизической природой» (1 : 17).

#### Библиографический список

1. Курляндская Г. Б. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети»: согласие поколений // Спасский вестник. № 14. 2007.
2. Лебедев Ю. В. В середине века: Историко-литературные очерки. М., 1988.
3. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1964. Т. 5.
4. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.–Л., 1962. Письма. Т. 5.
5. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.–Л., 1962. Сочинения. Т. 5.
6. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.–Л., 1962. Сочинения. Т. 8.
7. Цейтлин А. Г. Мастерство Тургенева-романиста. М., 1958.

**Е. Н. Круглова**

*Средняя школа № 11 города Костромы*

### **СВОЕОБРАЗИЕ ХАРАКТЕРОЛОГИИ А. Ф. ПИСЕМСКОГО В РОМАНЕ «ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ»**

В 1840-е – 1850-е годы наметился иной подход к пониманию человека в литературе. Известно, что в классическом народном эпосе главный герой является носителем и выразителем общенациональных начал. В классическом европейском романе, который Гегель называл «продуктом распада эпоса», главный герой, напротив, предстаёт как частный человек, неповторимая индивидуальность. Однако в литературе нового времени появляются формы романа или поэмы, тяготеющие к эпосу, – роман-эпопея, поэма-эпопея. Характер главного героя в этих